

Випуск щогорічного Вісника присвячений темі
"Інститут довіри в економіці та суспільстві"

УДК 330.113:334

О.Л. Яременко, д-р екон. наук

Інститут економіки и прогнозування НАН України

**ВЕКТОР ДОВЕРИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ**

Целостная системная координация функций эволюционирующей экономики имеет информационную природу. Доверие как имманентный информационный механизм рынка играет в этом далеко не последнюю роль. Вектор доверия может быть направленным как внутрь определённого социума, так и вовне. В стабильной социально-экономической системе внутреннее доверие входит в число своеобразных иммунных сил социального организма, которые защищают его от несанкционированного проникновения чуждых субъектов и информации извне.

Причина этого заключается в том, что доверие обеспечивает такой уровень экономии транзакционных издержек, который недоступен внешним субъектам, чужим. Формула "свои люди – сочтёмся" выражает специфический образ хозяйственных действий, присущих локализованной самодостаточной системе, в которой доверие обеспечивается механизмом опознавания "свой – чужой". Внешние связи и критерии в такой хозяйственной системе выполняют комплементарную функцию.

Если же доверие направлено преимущественно во внешний мир, то социум утрачивает функциональную самодостаточность. Из-за этого внутри растут транзакционные издержки, падает эффективность использования ресурсов, ухудшаются условия удовлетворения потребностей. Внешние факторы начинают играть решающую роль в равновесии системы, внутренних же процессов, функций и ресурсов для поддержания равновесия уже не хватает. К ним переходит роль комплементарного фактора системы. Возникает ситуация, когда внутренний хаос ограничивается и компенсируется лишь внешним давлением и ресурсной подпиткой.

Однако вектор эволюции системы как целого в конечном итоге определяется соотношением её энергетических (ресурсных) и информационных потребностей, а также информационных возможностей. Эффективное восприятие и использование внешней и внутренней информации как снятие неопределённости (уменьшение степеней свободы её элементов) является условием сохранения системы.

Слишком много денег, информации и ресурсов могут породить процесс внутреннего разогрева, который постепенно приводит к системным сбоям.

Но чем дольше поддерживается равновесие за счёт внешних факторов, тем больше существование системы утрачивает экономическую целесообразность для её участников. Современный кризис американской промышленности может служить достаточно впечатляющей иллюстрацией этого тезиса. Тенденция к возрастанию хаоса имеет место, если энергии (информации, денег) извне поступает слишком много по сравнению с возможностями её усвоения. К.Маркс говорил, что высокий уровень промышленного развития нации имеет место до тех пор, пока для неё главным является не прибыль (Gewinn), а добывание (Gewinnung).

Перегретая система либо гибнет, либо переходит в новое, более высокое качество. Источники хаоса и порядка либо взаимно локализируются в пространстве и времени, либо охватывают одни и те же звенья (участки, зоны) экономики. Если имеет место взаимная локализация энтропийных и антиэнтропийных процессов, то накопленный хаос может внезапно прорваться в остальную систему и разрушить (полностью или частично) накопленный в "тепличных условиях" изоляции порядок. Если же процессы обоих типов наблюдаются в одних и тех же звеньях, то развитие будет медленнее, однако формирующийся порядок – более крепким, а у системы появится больше шансов для относительно плавного перехода. Современный глобальный кризис способствует устранению барьеров между источниками хаоса и порядка, что можно рассматривать как исторический шанс для перехода глобализации на траекторию более медленного и стабильного развития.

Доверие является косвенным выражением уровня институционального порядка, присущего данной хозяйственной системе. В зрелой системе нарушения порядка, вызванные текущими флуктуациями среды, преодолеваются за счёт перекрываемых зон ответственности, в пределах которых институты могут замещать друг друга. Поэтому

текущие шоки и колебания не требуют от субъектов отказа от доверия, что может быть охарактеризовано как принцип презумпции доверия. Благодаря этому принципу стабильное доверие может существовать на динамичной основе.

Но как только масштабы институциональной субституции перестают соответствовать масштабам институциональных разрывов, субъекты вынуждаются отказаться от безусловного доверия в пользу полноценных процедур узнавания, идентификации, проверки, выбора формы и масштабов гарантий. Транзакционные издержки возрастают, повышаются риски рыночной специализации, увеличиваются страховые запасы, падает эффективность использования ресурсов. Институционально обусловленное сужение пространства доверия становится дополнительным фактором кризисного падения экономики.

При этом может возникнуть сильная негативная обратная связь между институтами, доверием и эффективностью, что придаёт кризису системный характер. Отсутствие доверия парализует многие институты. Низкая эффективность экономики подрывает функциональную эффективность государства. Вследствие этого пирамида доверия теряет свои фундаментальные основы сложного социального порядка, и общество вынуждено перейти на более низкий уровень равновесия за счёт национальной гармонии и справедливости. Тогда быстро развивается институциональная недостаточность, которая поражает и институциональные основания системы. Потребность в институциональном порядке становится самой острой и определяющей в функционировании социально-экономического организма. Институциональные интервенции в таком обществе принимают массовый характер, однако никто не даст гарантии, что имплантация чужих институциональных органов не вызовет реакции отторжения.

Активную роль в таких кризисных процессах могут сыграть не сами нарушенные функциональные связи, а фундаментальные структуры, отражающие прошлое системы в виде её генетического основания. В смысле ведущей (самой острой) потребности кризисная система более "институциональна", чем функциональна. Эти фундаментальные структуры могут служить при определённых условиях точками кристаллизации новых институтов. Благодаря этому в переходных состояниях прошлое системы актуализируется, становится реальным участником развития событий.

Если не учитывать очерченный выше институциональный аспект и эволюционную роль механизмов доверия, то антикризисные мероприятия могут превратиться во внутренний фактор дальнейшей деградации кризисной системы, как это может получиться с идеей "госпитальных банков".

Общественное доверие к банковской системе – это ещё и доверие к профессиональности её менеджмента. Кризис банковской системы Украины стал следствием определённой безответственности и непрофессионализма, в том числе внутри банковской системы. Можно ли компенсировать потерю доверия огромными финансовыми гарантиями со стороны государства? А если можно, то к чему это приведёт?

В экономике простые очевидные решения и короткие пути иногда заводят в ловушку. Одной из существенных проблем банковской системы, о которых, к сожалению, сегодня не хватает времени задуматься, является проблема госпитального банка как *прецедента*. Как говорил Ницше, "великие события приходят на голубиных лапках". В Украине госпитальных банков никогда не было. Прецедент имеет скрытый исторический институциональный аспект. Если "госпитализация" станет прецедентом индальгенции за грехи непрофессионализма и безответственности, то институциональные потери общества в результате "госпитализации" могут значительно превысить прямые и не прямые финансовые расходы банковской системы на создание госпитального банка. Даже не обращая внимания на начало эпохи глобальной "переоценки ценностей", а учитывая лишь текущий институциональный контекст "госпитализации" банковской системы Украины, можно увидеть ловушки, которые заключает в себе эта идея.

Оздоровляющая функция кризиса банковской системы состоит в том, что он приводит во взаимное соответствие, с одной стороны, потребности общества в профессиональном обеспечении банковской деятельности, а с другой – имеющийся менеджерский ресурс банков. Госпитальный (санационный) банк делает оздоровление банковского менеджмента не самой насущной задачей. Поэтому не следует удивляться, что разовое прощение банковских ошибок из *исключительной* меры через механизм прецедента превратится сначала в *допустимую* форму регулирования, потом в *примлемую* и даже *стандартную*. Судьба доверия к такой банковской системе выглядит достаточно однозначно. А это повлечёт за собой катастрофические последствия для всей системы институционального равновесия.

Дело в том, что доверие не только базируется на устоявшихся институтах, но и само по себе является необходимым условием институционального равновесия в хозяйственной системе общества.

Институты сохраняют свою качественную определённость только при соблюдении взаимной меры и границы, что предполагает их изоляцию друг от друга. Доверие играет важную роль в подержании состояния *институциональной изоляции*,

то есть взаимного отграничения и обособления качественного содержания различных институтов и их блоков и систем, благодаря чему обеспечивается общее институциональное равновесие.

Феномен изоляции является необходимым условием сохранения и развития институционального многообразия. Тем самым социум создаёт и "перебирает" всё новые и новые варианты своей организации.

В результате поддержания состояния институциональной изоляции глобальная система становится более сложной, разнородной, однако формой накопления и реализации такого институционального потенциала выступают разрывы, институциональная конкуренция и институциональные конфликты. Доверие выступает как естественная форма сглаживания конфликтов, сокращения разрывов, снижения остроты конкуренции путём формирования конкурентных альянсов. Упор при этом делается не на многообразие институциональных форм, а на фундаментальное единство их ценностных основ. В то же время доверие может снижать стимулы к институциональному саморазвитию, порождать тенденцию к своеобразному институциональному иждивенчеству, базирующемуся на институциональных интервенциях извне.

Взаимная изоляция институтов и их систем может реализовываться как пространственная, временная, функциональная, этническая, как спонтанная или целенаправленная.

Примерами целенаправленной рациональной изоляции могут служить запрет на семейственность в госучреждениях, неприятие некоторыми государствами института двойного гражданства, отделение церкви от государства. Недостаток марксизма состоял в том, что он, помимо всего прочего, нацеливал на преодоление взаимной изоляции институтов и их систем: долой границы между государствами, необходимо уничтожить буржуазную семью, частную собственность и т. д.

Причём это грех не одного марксизма. Западная просветительно-рационалистическая традиция включает в себя практически те же идеи и выводы (например, достаточно вспомнить утопии Г. Уэллса "Люди как боги" и "Освобожденный мир"). Реализация этих идей в прямом виде означала бы разоружение человечества перед лицом ещё неизвестных опасностей и угроз, поскольку были бы потеряны наработанные тысячелетиями возможные варианты организации общества. А утрата разнообразия всегда означает деградацию системы, явную или скрытую.

Выделяются два уровня институциональной изоляции: межсистемная и внутрисистемная. Межсистемная в большей степени отвечает за накопление и реализацию эволюционного потенциала цивилизации в целом, а внутрисистемная за

текущую адаптацию и функциональное равновесие обособленных хозяйственных систем.

Пространственная изоляция построена на *расстоянии* между институтами и институциональными системами. Временная – на *десинхронизации* этапов социально-экономического развития: например, пики кондратьевских циклов не совпадают у различных обособленных индустриальных систем.

Каждый институциональный локус обладает собственной системой пространственных и временных координат. Социальное *пространство* основывается на ландшафтно-ресурсной структуре данного социума, специфическое социальное *время* задаётся средней частотой существенных событий, социально-природными ритмами хозяйственной деятельности и жизненным циклом институциональных комплексов общества, включающим их становление, исторический износ и деградацию.

Присущие любой хозяйственной системе доверие и его формы не могут выйти за пределы социальной пространственно-временной привязки и в скрытом виде несут на себе её отпечаток. Такие простейшие понятия, как "здесь", "близко – далеко", "немедленно", "скоро – нескоро", придающие экономическому доверию конкретную хозяйственную значимость для субъектов, могут существенным образом не совпадать в разных системах. Даже если субъекты разных систем настроены на то, чтобы доверять друг другу, их взаимодействие может принять характер *недоразумения* в прямом смысле слова. Поэтому проще доверять своему, чем чужому, а это означает, что доверие выступает как механизм институциональной изоляции.

Институциональная изоляция приводит к тому, что всегда есть (и будут) страны, выпадающие из некоторой средней генеральной линии цикла. В этих странах не происходит обусловленная глобализацией унификация институциональных систем. Сегодня сосуществуют во времени весьма различающиеся варианты индустриального общества, каждый из которых обладает весьма специфичной институциональной системой. Даже если какой-то вариант и оказался тупиковым, это не означает, что его опыт полностью бесполезен.

Ещё один механизм институциональной изоляции базируется на нежизнеспособности искусственных институциональных *гибридов*, не согласуемых с социально-экономическим генотипом общества (фаланстеры, коммуны, так называемая советская обрядность, кружки качества в американских предприятиях и т. д.). Дело в том, что *вектор доверия* участников таких гибридов имеет тенденцию отклоняться во внешнее пространство (семейное, корпоративное, рыночное), что автоматически снижает внутреннее доверие и его соци-

альную значимость. Изоляция гибрида постепенно разрушается. Его границы размываются, а собственное содержание подвергается диффузии. При этом уцелевшие институциональные остатки гибрида абсорбируются более жизнеспособными институтами.

Разумеется, институциональная изоляция не может быть абсолютной, поскольку это влечёт за собой обеднение генетической информации. Абсолютно изолированные институциональные системы, являющиеся *исключением*, не развиваются (первобытные племена Новой Гвинеи, Северная Корея). Для этих систем характерно подавляющее преобладание внутреннего доверия над внешним, что лишает их необходимости перебора институциональных вариантов. Поэтому *правилом* эволюции является относительность институциональной изоляции. Эта относительность порождает зоны институционального пересечения – *семейная ферма, брачный контракт*, передача высшей государственной власти в монархических странах *по наследству* и т. д.

Для переходного состояния системы характерно ослабление взаимной изоляции институтов и их систем. Доверие утрачивает характер вектора и приобретает форму диффузного облака, охватывающего лишь близлежащую сферу жизнедеятельности субъектов. Такое доверие уже не может выполнять защитных функций по отношению к институциональной системе. Субъект может доверять или не доверять тому или иному институту (безотносительно к его содержанию и значимости), предписания которого он должен исполнять при реализации своих хозяйственных решений. Диффузное доверие превращается в фактор неопределённости, что ещё больше углубляет институциональный кризис.

В условиях деградации доверия зоны институционального пересечения из аномальных звеньев системы на время превращаются в основные. Благодаря этому взаимный обмен генетической информацией приобретает интенсивный характер, идёт непрерывный процесс возникновения и отмирания всё новых и новых вариантов институциональной организации общества. Однако, помимо позитивных возможностей перехода к лучшему состоянию, вытекающих из влияния фактора взаимного обмена такими латентными институциональными информационно-генетическими ресурсами, существуют и связанные с этим серьёзные проблемы. Дело в том, что деградация доверия не только распространяется на устаревшие и неэффективные институты, но и может негативно влиять на функционирование базовых институтов общества.

Самым неприятным и опасным для переходной экономической системы Украины следствием

снижения доверия и подрыва взаимной изоляции институтов являются наблюдаемые сегодня проявления процесса *приватизации государства*, то есть превращения государственного организма в *прямую* функцию корпоративно-частного интереса. Природа доверия к государству покоится на безусловности его всеобщности. Если же всеобщность приобретает выраженный условный характер ("в принципе", "при определённых условиях" и т. д.), то государственные функции и институты можно использовать в качестве эффективных конкурентных инструментов, лишь стоит получить к ним прямой или опосредованный доступ.

Это низводит институты государства до положения редкого экономического ресурса, являющегося объектом жёсткой межклановой конкуренции. Из-за этого государственный организм утрачивает важнейший атрибут всеобщности функций и институтов. "В результате образуются специфические институты, ориентированные на обслуживание локальных обменов (например, по частной защите контрактов), коммерциализируется, несмотря на формальный запрет, производство общественных благ (общественная, информационная безопасность"¹.

Иррациональность экономической политики украинского государства с точки зрения всеобщих интересов на самом деле отражает вполне рациональные интересы региональных и межрегиональных кланов и групп, сумевших обеспечить прямое представление своих интересов на высших уровнях государственной власти. Действия правительства, направленные на быстрое наращивание государственного долга, фактическое удушение национального производителя, в особенности в аграрном секторе, ярко выраженная проциклическая финансовая политика, выражают не только низкий уровень профессионализма, но и стремление подорвать финансовые, экономические и политические позиции конкурентных бизнес-групп.

К сожалению, или к счастью, мы ещё не можем отождествлять интересы крупного предприятия-монополиста с интересами страны в целом, как это когда-то имело место в США (что хорошо для "Дженерал моторс", то хорошо и для Америки). Можно сказать более жёстко: что хорошо для некоторых финансово-промышленных группировок, то смертельно опасно для государства в целом.

С точки зрения динамики структурного (то есть институционально обусловленного) доверия в Украине наблюдаются два ряда опасных следствий приватизации государства. Во-первых, продолжается

¹ *Шаститко А.* Транзакционные издержки (содержание, оценка и взаимосвязь с проблемами трансформации) // Вопросы экономики. – 1997. – № 7. – С. 75.

процесс утраты публичной властью авторитета и легитимности в глазах граждан. Граждане государству доверяют всё меньше и меньше, вне зависимости от их политических или социальных предпочтений. Формы подчинения государственных инструментов частным корпоративным интересам становятся всё более изощрёнными и эффективными, но если процесс будет продолжен, то доверять государству, платить налоги и служить ему будет означать для граждан доверять, платить и служить какому-то удачливому клану. Уклонение от уплаты налогов будет закономерно превращаться в гражданскую доблесть со всеми вытекающими из этого последствиями для государства. Место доверия государству как одному из базовых регуляторов социальных отношений займёт война всех против всех.

Другая группа последствий приватизации государства выражается в качественном перерождении государственных функций, их выхолащивании, обеднении и депрофессионализации, что приводит к катастрофическому падению способности государства защищать права общества, граждан, а следовательно – к полной дезинтеграции общественного организма. Фальшивые дипломы об образовании чиновников высшего ранга являются весьма характерным выражением этой тенденции.

Приватизированное государство будет не способно исполнить свою часть общественных функций по созданию и поддержанию условий доверия. Такое государство не сможет обеспечить минимизацию трансакционных издержек для участников системы общественного разделения труда посредством простых и для всех приемлемых гарантий и правил хозяйственного поведения. Угнетение базисных форм специализации субъектов (отраслевой, региональной, профессиональной), неизбежно вытекающее из отсутствия доверия, аномальной неопределённости и высокого уровня рисков специализированной хозяйственной деятельности, приведёт нашу экономику к абсолютной катастрофе. Сегодня прекращение процесса приватизации государства – необходимое условие выживания украинского общества.

Глобализация может быть охарактеризована как эпоха "переоценки всех ценностей", и поэтому ей свойственны не столько множественность, сколько отсутствие необходимости в критериях рационального выбора. Кредитная экспансия и размывание принципа жёстких бюджетных ограничений снижают социальную и экономическую стоимость ошибочных решений: хотеть можно всего и получать можно всё и сейчас. Может ли считаться субъектом *такой* потребитель или инвестор? Ощущает ли он потребность доверять, то есть снимать неопределённость путём профессионализированных ожиданий и оценок? Скорее всего, нет.

Десубъективация переходной системы приводит к постепенному угасанию доверия. В условиях глобальной бифуркации каждый субъект и каждый институт становится объектом одновременного и разнонаправленного воздействия различных социальных градиентов. Линия наиболее выгодного поведения превращается в ломаную линию, зигзаги которой имеют хаотический характер. Доверие в такой системе возникает и исчезает спонтанно, и его распределение уже не связано с распределением институциональных полномочий и ответственности. Вместе с доверием и ответственностью угасает и экономическая свобода.

Оценка глобальной трансформации системы позволяет выделить такие потоки событий: 1) адаптация, мутация и частичная стагнация государственно-индустриальных (по своему происхождению и компетенции) международных институтов, которые становятся строительным материалом для глобальной системы; 2) сокращение и фрагментация "неперспективных" остатков прежней системы, которые постепенно занимают нишу "реликты"; 3) актуализация и "выпирание" таких государственно-монополистических реликтов и пережитков, как патернализм, социальное иждивенчество, государственная монополия (из чего-то, достойного осуждения или извинения, они превращаются в респектабельную форму институционального устройства); 4) превращение трансакционного сектора глобальной экономики из дополняющего в основной, базисный.

Взаимодействие этих потоков происходит в конфликтной форме, потому что каждый из них имеет разную регулируемую основу, разные конечные пункты назначения, разную скорость и интенсивность событий, разные нормы ожидаемого взаимного поведения и последствий для участников. Турбулентность этих потоков приводит к значительным социальным и экономическим издержкам. Когда субъекты социальной системы утрачивают тождественность самим себе, они вместе с ней утрачивают ориентиры и критерии оптимального и приемлемого образа действий. Как отмечает С.Глазьев, "...в энтропийном состоянии системы исчезают все её внутренние различия, и достигается полная симметричность её элементов"². Институциональным остатком доверия может считаться состояние всеобщей индифферентности.

Важную роль в регенерации источников доверия в условиях трансформационного сдвига играют процессы *информационного переноса*. Таким переносом является поступление генетически-институциональной (то есть предельно сжатой, доступ-

² Глазьев С.Ю. Закономерности социальной эволюции // Российский экономический журнал. – 1993. – № 8. – С. 75.

ной к считыванию, способной к саморазвёртыванию в виде программ, влияющих на институциональное становление) информации. Эта информация может поступать, во-первых, из-за пределов системы, во-вторых, из соседних блоков данной системы. Природа и масштабы возникающего доверия могут быть самым тесным образом связаны с содержанием и характером поступающей извне генетической информации.

Генетические детерминанты глобальной трансформации, к сожалению, не просто не дают гарантий от варианта развития в сторону постиндустриального тоталитаризма в глобальном масштабе, а содержат в себе такую возможность. Об этом свидетельствует учащение этатистских практик контроля и регулирования частной жизни граждан, включая допущение пыток (разумеется, "только" в крайних случаях и "только" по отношению к лицам, подозреваемым в терроризме). Историческая судьба системы государственного социализма в СССР говорит о том, что законы эволюции и диалектики не способны отменить ни "ум, честь и совесть нашей эпохи", ни самая демократическая и справедливая система государственного устройства, которая победоносно шагает по планете последние 20 лет.

Социализм в СССР стал капитализмом не случайно. Генетический дуализм советской системы как административно-рыночной на всём протяжении её истории не просто содержал в себе потенциальную возможность несанкционированного распространения рыночных ценностей и стереотипов на "непосредственно-общественную" сердцевину государственного социализма, а непрерывно генерировал этот процесс. Неизбежный внутренний генетический перенос инициировал всё более ускоряющийся дрейф системы государственного социализма в сторону так называемой модели рыночного социализма. Чуждые информационные потоки исподволь вели к генетическому перерождению советского общества.

В последние десятилетия существования Советского Союза весьма относительной была и изоляция от потоков информации из-за "железного занавеса". Помимо собственно информационных каналов, тщательно контролируемых, существовали ещё формально идеологически нейтральные материально-вещественные потоки от чуждой социально-экономической системы (оборудование, технологии, потребительские товары), которые в скрытом виде несли на себе отпечаток иных ценностей и норм. Как отмечает В.Маевский, "...каждая действующая технология, входящая в ядро саморазвития экономики, — это не только способ производства, но одновременно и материальная форма хранения информации о данном способе производства, а воспроизведение этой технологии есть передача

информации, передача наследственности, то есть процесс генетического характера"³.

Включаясь в хозяйственно-потребительский оборот социалистического общества, эти технологические потоки делали буржуазно-индивидуалистские пережитки наиболее естественной и целесообразной формой взаимного общения трудящихся. В результате этого система государственного социализма всё больше приобретала характер формальной оболочки, прикрывающей постепенные фундаментальные сдвиги в общественном бытии и сознании. Вектор доверия всё сильнее отклонялся в сторону внешнего социально-экономического, ценностного и институционального пространства.

Фундаментальную причину деструктивных последствий усвоения западных технологий для доверия к системе государственного социализма охарактеризовал Е.Рашковский: "технология есть пусть приземлённая, пусть социально отчуждённая и функционально обособленная, но всё же форма самоосуществления человеческого духа"⁴.

Раздвоение вектора доверия уводит эволюцию системы от генеральной линии партии. Куда придёт страна, двигаясь по этому пути, тогда не знал никто. Большевики-фундаменталисты в первые годы перестройки предупреждали партию и народ о надвигающейся реставрации капитализма. Личный легковой автомобиль, отдельная квартира (дом), личная библиотека и т. д. — всё это действительно атрибуты иного образа жизни, противоположного социалистическому. Однако они были не причиной, а лишь симптомом глубокого кризиса всей системы, который начался задолго до перестройки и имел неизбежный и необратимый характер.

Учитывая нашу недавнюю историю, можем ли мы себе позволить не обращать внимания на ценностно-институциональный дуализм глобализации? Отягощённость глобальной трансформации реликтами тоталитаризма вряд ли имеет случайный характер. В философии и естествознании известны два типа развития. Первый связан с осуществлением или усовершенствованием изначальных свойств объекта, развёртыванием его генетического кода (*evolutio* в переводе с латинского означает развёртывание чего-то, уже существующего в зародышевом состоянии).

Второй тип включает в себя реальную возможность появления в ходе становления объекта совершенно новых свойств или аспектов поведения, ранее "не предусмотренных". Предпосылкой тако-

³ Маевский В. Экономическая эволюция и экономическая генетика // Вопросы экономики. — 1994. — № 5. — С. 17.

⁴ Рашковский Е. Третий мир как проблема социогуманитарного знания (заметки на полях книги М.А.Чешкова) // Мировая экономика и международные отношения. — 1996. — № 3. — С. 112.

го развития является предварительное "стирание" генетической информации и создание условий максимально хаотичного состояния. Социальную суть этого типа наиболее выпукло и законченно выразил "кампучийский эксперимент" 1970-х годов, нацеленный на полное стирание информации, "до основания".

Но полностью ли стиралась информация о прошлых состояниях в ходе социалистического строительства? Скорее всего, нет. Часть генетической информации в сжатом виде сохраняла национальная (этническая) координата. Там, где это сжатие было меньшим, она оказалась ближе к поверхности и поэтому легче восстанавливается (например, в странах Прибалтики). В этом можно усмотреть некоторые важные причины национального всплеска сегодня и одновременно – его позитивный смысл.

Этнографы, социологи, экономисты уже давно обратили внимание на активную роль своеобразного опыта трудовой деятельности, сложившегося в рамках определённой национальной культуры. Национальная трудовая этика стабильна, не зависит от текущих изменений политического режима, институциональных заимствований и кризисов. Поэтому она является одним из важных факторов, определяющих сравнительные национальные конкурентные преимущества в освоении новых технологий. С точки зрения логики укоренённого структурного доверия это даёт шанс на ограничение унификации и стандартизации будущего глобального устройства.

Именно логика укоренённого структурного доверия является одним из тех скрытых факторов глобальной трансформации, значение которых будет постепенно усиливаться. Сегодня практически общепризнано, что национальная культура труда сыграла едва ли не решающую роль в технологическом рывке Японии во второй половине XX века. Однако нельзя забывать, что веками до этого Япония была более чем далека от мирового лидерства, хотя культура труда оставалась той же самой. Понятно, что в одних условиях такой опыт способствует высокой результативности, в других – мешает⁵.

Очевидно, здесь речь должна идти не только о навыках собственно трудовой деятельности, но и об определённых ценностно детерминирован-

⁵ "Успехи Японии в развитии промышленности и торговли, завоевании внешних рынков были достигнуты не вопреки, а благодаря архаичной культуре, адаптированной к условиям массово индустриального производства. То, что в этой культуре мешало развитию, препятствовало целям правительства и бизнеса, шаг за шагом устранялось или отмирало само". См.: Ясин Е. Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. – 2003. – № 4. – С. 11.

ных стереотипах хозяйственного поведения, охватывающих все стороны экономической активности. Современный глобальный кризис связан с изменениями ценностной направленности. В их основе – воздействие негативных институциональных и технологических тенденций постиндустриального и глобального развития. Результатом становится недоверие к свободе как таковой и связанный с ним массовый отказ от рисков и ответственности.

В итоге мы наблюдаем уже отмеченный выше крайне опасный кризис субъектности, массовую потерю статусов, усиление общей конфликтности в экономике. Регулятивные практики ФАТФ по контролю над платёжными операциями превращают право на тайну личной жизни в пустую декларацию. Реально обозначилась альтернатива "стабильность или свобода". Замедление глобализации, отказ от некоторых её направлений наблюдаются уже сегодня.

Признавая роль своевременного реагирования со стороны государства на текущие проблемы и вызовы, отметим, что если антикризисные меры подчинены только логике кризиса, они могут затягивать или усиливать его проявления. Попытки сохранить неэффективные финансовые институты путём направления в них огромных потоков ликвидности будут приводить к восстановлению кризисного потенциала, который снова будет выплёскиваться в виде рыночных шоков⁶. В этом случае благодаря обратным связям возможно возникновение негативных циклов, которые будут загонять экономику в замкнутый круг раз за разом повторяющихся кризисных явлений. Как следствие – растущая иммобилизация экономических ресурсов и коллапс хозяйственной системы. Одним из условий формирования эффективной системы антикризисных мер должно быть соответствие этих мер общему вектору движения хозяйственной системы. То есть представление о возможном будущем кризиса должно играть в разработке антикризисных программ не менее важную роль, чем текущие острые проблемы.

Опросы, проводимые накануне глобального кризиса консультантами Международного экономического форума в Давосе, показывали, что доверие к национальным правительствам, ООН и глобальным компаниям находится на самом низком уровне с момента начала измерений в 2001 году. Единственным исключением явля-

⁶ "...техника кредитной накачки не восстанавливает пропорции в экономике, а, напротив, разрушает их, попутно деформируя институциональную структуру и мотивацию экономического поведения", – отмечает Л.Вальдман. См.: Вальдман Л. Дело приняло очень серьёзный оборот. Семинар с Леонидом Вальдманом. – Ч. 1 // http://www.crisisu.net/delo_prinalo_new_oborot.html

ется правительство России, доверие к которому с 2001 года постоянно растёт. Уровень доверия к ООН упал после того, как мир узнал детали скандальной программы "Нефть в обмен на продовольствие". Лидерами по уровню доверия являются НГО, но с 2004 года он заметно снизился, особенно резко произошло падение в Индии, Бразилии и Южной Корее⁷.

Из всех институтов больше всех потеряли доверие национальные правительства. Только в шести из опрашиваемых стран больше граждан доверяют своим правительствам, чем не доверяют им. Самое большое падение уровня доверия в Бразилии, Южной Корее, Мексике, Канаде и Испании. За ними следуют Аргентина и США. Даже в таких странах, как Британия и Индия, где уровень доверия остаётся позитивным (то есть доверяющих больше, чем не доверяющих), он сократился на наибольшую величину с 2001 года. Что касается глобальных компаний, то самое сильное падение уровня доверия к ним зафиксировано в Испании, США и Канаде. В этих странах он впервые стал отрицательным.

Из Африки и Азии о ТНК приходят более позитивные новости. В Китае отмечен самый высокий уровень доверия, даже несмотря на то, что он чуть упал за последние два года. Во Франции негативное отношение к глобальным компаниям в последние два года сократилось почти вдвое – с -52 до -31 пункта. В Польше уровень доверия составляет -35. В Италии очень высоким остаётся уровень недоверия – -41 (в 2004 году был -48). В России доверие к ТНК чуть улучшилось – с -53 до -50 пунктов. Большие национальные компании заняли третье место в списке институтов, которым доверяют больше всего (за НГО и ООН). Но даже среди стран, где уровень доверия к национальным компаниям высок, отмечено его падение (Китай, Индия, Индонезия и Канада)⁸.

Резко ухудшилось мнение о крупном национальном бизнесе в Испании и Бразилии. В Италии потребительское доверие к компаниям восстанавливается после скандала с Пармалатом (с -20 в 2004 году до -2 в 2005-м), а в России, которая демонстрирует высокий уровень доверия к правительству, граждане по-прежнему не доверяют национальным компаниям (с -39 до -21). В Южной Корее уровень доверия составляет -20, в Польше – -24.

Настораживает падение доверия к структурам гражданского общества. Пока нет ни одной страны, в которой фиксируется абсолютное падение доверия к НГО, но граждане четырёх стран – Китая, Бразилии, Польши и Турции – находятся на

грани. Несмотря на эту тенденцию, НГО являются институтом, которому больше других доверяют граждане. Комментируя результаты опросов, управляющий директор ВЭФ Гед Дэвис заявил о необходимости поиска новых способов восстановления доверия к институтам и правительствам. "Если нам не удастся воссоединиться с гражданами и справиться с недоверием, те институты, которые управляют миром, всё больше будут находиться под угрозой"⁹.

Уже только эти оценки должны были заставить международные финансовые институты оценить реальную сбалансированность полномочий и ответственности в сфере глобального доверия. Однако эти институты оказались в плену текущих рутинных функций, которые внешне выглядели достаточно эффективно.

На наш взгляд, в русле восстановления доверия в глобальной экономике постепенно усиливаются несколько важных тенденций. В результате вырисовывается картина нового распределения сил и полномочий, стабильная структура которого является предпосылкой и фактором восстановления необходимого уровня доверия.

Очевидно, что в ближайшие годы относительное значение финансовых ресурсов для хозяйственной деятельности будет ниже, чем это было в предкризисный период. Ведь именно решающая роль финансовых ресурсов и стремительное расширение инфраструктуры их оборота в отрыве от развития других сегментов экономики обусловили накопление огромных разрывов и диспропорций. Неизбежное увеличение относительной роли нефинансовых ресурсов экономического развития будет иметь ощутимые институциональные последствия, в том числе для финансовых институтов. В динамике доверия и его распределении большую роль будут играть такие ресурсы, как земля, технологии, человеческий капитал. Их оборот станет более эффективным, институциональные и инфраструктурные условия приобретут более транснациональный и глобальный характер.

Финансовые институты должны существенно измениться в плане приспособления к потребностям реального сектора, к его институциональной и отраслевой конфигурации. "Радиус" их экономической силы и полномочий частично будет сокращаться. Требования к качеству и структуре капитала будут становиться жёстче.

Должна быть конституирована новая финансовая и институциональная роль государства, подкреплена новыми инструментами и методами государственного регулирования рынков. Скорее всего, это будет набор рычагов, включающий как

⁷ См.: <http://liberty-belarus.info/>

⁸ См.: Там же.

⁹ Там же.

общие, так и специализированные инструменты, которые могут быть объединены в такую новую институцию, как *единый регулятор*.

Новая система должна возродить принципиально важный статус персонифицированного риска инвестора в принятии инвестиционных решений. Как следствие возникнет спрос на новый класс финансово-инвестиционных институтов с более коротким радиусом действия, основанных на личном доверии, персонифицированных инвестициях и реальных активах.

В целом уровень доверия в экономике в ближайшие годы будет ниже, чем в предкризисный период. Это объективно будет способствовать инфляционным ожиданиям, относительно высокому уровню процентных ставок. Экономику ждёт

более или менее продолжительный период "дорогих денег", который приведёт к сжатию финансового сектора и его реструктуризации.

Учитывая такой вектор развития, попытки любой ценой восстановить, прежде всего, финансовый сектор и его институты, можно назвать ошибочными. В контексте динамики доверия помощь финансовому сектору должна иметь структурированный характер в сочетании с пруденциальными мерами, направленными на системные институциональные изменения. Целью этих изменений должна стать большая адекватность финансового сектора потребностям реальной экономики, прежде всего, её технологического обновления, институциональной и отраслевой реструктуризации.